

УДК 821.521 : 81'25

АРХЕОСЮЖЕТ ИНИЦИАЦИИ В НОВЕЛЛЕ ФРАНЦА КАФКИ «ПРИГОВОР»

Н. В. Семенова

Тверской государственной университета
кафедра теории литературы

В статье рассматривается археосюжет инициации в новелле Франца Кафки «Приговор». Доказывается, что идентичность результатов, полученных при использовании разных языков описания, может служить критерием достоверности интерпретации.

Ключевые слова: Франц Кафка, психоанализ, сюжет инициации, принцип дополнительности, метаязык

В 1934 году Вальтер Беньямин, отмечая удручающее состояние кафковедения, обозначил два пути ошибочного истолкования произведений Кафки: «Одно толкование – естественное, другое – сверхъестественное, но самую суть предмета оба они – что психоаналитическое, что теологическое – упускают в равной мере начисто» [5, с. 74–75]. Тогда же У. Х. Оден написал эссе «Человек без «я», в котором невозможность единого прочтения рассказов Кафки выводилась из их притчевого характера [12, с. 96–97].

Во втором десятилетии XXI в. в осознании этой проблемы наметились новые горизонты. Репутация Франца Кафки как самой странной фигуры в литературе XX века ставит на повестку дня вопрос о критерии достоверности при анализе его произведений. При этом в ситуации, когда миметическое восприятие заведомо невозможно, на первый план выдвигается проблема выбора метаязыка. Именно на этом основывается принцип дополнительности: «язык описания», с одной стороны, определяется характером материала, с другой – влияет на результаты исследования [15]. Вместе с тем, распространяя действие принципа дополнительности на область гуманитарных знаний, Нильс Бор делает одно важное замечание: «В этой области не может быть и речи о таких абсолютно исключаящих друг друга соотношениях, как те, которые имеются между дополнительными данными о поведении четко определенных атомных объектов» [7, с. 97]. Отчетливо эту идею в филологии сформулировал М. М. Бахтин, соединивший принцип дополнительности с теорией диалога. В его рабочих заметках имеется запись, подтверждающая это положение: «Принцип дополнительности я также воспринимаю диалогически» [4, с. 434]. Исходя из этого, получение непротиворечивых результатов при анализе одного произведения с позиций разных методологий может служить объективным критерием их истинности.

История создания «Приговора» способна приблизить к его пониманию. 23 сентября 1912 года Кафка сделал в дневнике следующую запись: «Рассказ "Приговор" я написал одним духом в ночь с 22-го на 23-е, с десяти часов вечера до шести часов утра. Еле сумел вылезти из-за стола – так онемели от сидения ноги. Страшное напряжение и радость от того, как разворачивался

передо мной рассказ, как меня, словно водным потоком, несло вперед. Много раз в эту ночь я нес на спине свою собственную тяжесть. Все можно сказать, для всех, для самых странных фантазий существует великий огонь, в котором они сгорают и воскресают <...> Укрепился в убеждении, что то, как я пишу роман, находится на постыдно низком уровне сочинительства. *Только так* можно писать, только в таком состоянии, при такой полнейшей обнаженности тела и души» (выделено автором – Н. С.) [8, с. 87].

«Приговор» стал для Кафки «прорывом в его писательской активности и началом одного из немногих плодотворных периодов» [2, с. 51]. И хотя самой известной его новеллой остается «Превращение», именно «Приговор» признается воплощением принципов кафкианского письма, чем-то вроде визитной карточки писателя [1, с. 20]. «Приговор» был написан для ежегодника «Аркадия» Макса Брода и там же опубликован [6, с. 146]. Известно также, что Кафка собирался печатать «Приговор» в сборнике «Сыновья», наряду с новеллами «Превращение» и «Кочегар». В современных собраниях сочинений «Приговор» публикуется, согласно воле автора, в составе цикла «Наказания» («Strafen»), куда входят также рассказы «Превращение» и «В исправительной колонии». При этом Кафка признавался, что все им написанное могло бы называться «Искушение вырваться из-под отцовского влияния» [3, с. 109]. Если к тому же принять во внимание, что немецкое название «Das Urteil» иногда переводят как «Суд» [16, с. 92], выстраивается сквозной сюжет, характеризующий отношения сына и отца: бунт слабого сына против деспотичного, карающего отца.

Об отношении Кафки к отцу многое сообщает «Письмо отцу». Некоторые эпизоды в «Приговоре» прямо отсылают к этому тексту. Очевидно, что и отец в новелле напоминает отца писателя Германа Кафку. Согласно свидетельству Макса Брода, Кафка относился к своему отцу «со смешанным чувством удивления, глубокого одобрения и легкого, критического подсмеивания, что характерно также для отношения сына к отцу в «Приговоре» [6, с. 160].

Отношения отца и сына заставляют обратиться к биографии Кафки, притом что здесь следует избегать крайностей. Основываться исключительно на биографии при анализе его произведений так же малопродуктивно, как пытаться реконструировать биографию на основе творчества [2, с. 17]. «Письмо отцу» проливает свет на эту проблему, хотя и не является в полном смысле слова биографическим документом. В целом же биография Кафки прочитывается с позиций психоанализа как случай настолько типичный, что он мог бы служить учебным примером: «Всемогущий, ненавидимый отец, страстная привязанность к матери, любви которой так явно не хватало Кафке в детские годы; хаотические половые связи с официантками кафе и ресторанов; наконец, отсутствие полового влечения к женщине, предназначенной стать матерью-женой» [2, с. 16].

Биографический элемент в новелле «Приговор» отрефлексирован в дневнике Кафки и его «Письмах к Фелиции». Новелла была написана сразу после знакомства с Фелицией Бауэр, за два года до объявления помолвки, и в «Приговоре» есть уже предвидение этих событий. В письме к Фелиции Кафка делится своими открытиями: «2. VI. 1913 <...> Посмотри только на имена! Это

создано в ту пору, когда я с Тобой уже познакомился и мир благодаря твоему существованию стал значить для меня много больше, однако я Тебе еще не писал. И посмотри-ка, в имени Георг столько же букв, сколько в имени Франц, фамилия Бендеман состоит из двух частей, «Бенде» и «ман», причем в Бенде столько же слогов, сколько в фамилии Кафка, да и две гласные стоят на тех же местах, а сугубо мужское «ман» придано из сострадания, чтобы этого несчастного Бенде поддержать и укрепить в его борьбе. В имени Фрида столько же букв, сколько в Фелиции, да и начинаются они с одной буквы, к тому же латинское «счастье» недалеко ушло от немецкого «мира». Бранденфельд благодаря аграрному корню «фельд» имеет отношение к крестьянской фамилии «Бауэр» и оснащено той же начальной буквой. И подобных совпадений еще несколько, все это, конечно, вещи, которые я обнаружил лишь задним числом» [10, с. 276–277].

Макс Брод сделал попытку идентифицировать друга в новелле, полагая, что друг на чужбине – это Ицхак Лёви. В своем утверждении Брод как всегда категоричен, однако у этого персонажа мог быть и другой прототип. Тема таинственного друга возникает в переписке Кафки, в письме к Милене Есенской: «Между прочим, на этой второй фотографии ты опять ужасно напоминаешь мне моего загадочного первого друга; когда-нибудь я тебе о нем расскажу» [8, с. 544]. Еще одна запись в дневнике содержит указание на возможный источник этого образа: «12 февраля. При описании друга на чужбине я много думал о Штойнере. Когда я однажды, месяца через три после написания рассказа, случайно встретил его, он сообщил мне, что месяца три назад обручился» [8, с. 89].

Бросается в глаза, что помолвка Штойнера параллельна помолвке некоего молодого человека с некоей малоизвестной девушкой – об этой помолвке герой рассказа Бендеман пишет другу. Еще в одном случае Кафка проецирует новеллу на свою собственную жизнь: «14 августа <...> Выводы из «Приговора» для меня самого. Косвенно я ей обязан рассказом. Но ведь Георг погиб из-за невесты» [8, с. 93]. Однако даже если согласиться с тем, что в творчестве Кафки «Приговор», возможно, самое автобиографичное из всех его произведений [11, с. 74], биографический подход не раскрывает главную загадку текста: отец приговаривает сына к казни водой, и сын этот приговор немедленно приводит в исполнение.

Описав процесс создания «Приговора», Кафка сделал пометку в дневнике: «Разумеется, мысли о Фрейде» [8, с. 544]. Многочисленные замечания о Фрейде в дневнике и письмах писателя дали основания для фрейдистского толкования не только его биографии, но и творчества. Через посредство психоанализа удалось достаточно эффективно проинтерпретировать многие сюрреалистические тексты, сходство с которыми у Кафки представляется достаточно очевидным [11, с. 100]. «Великий сновидец», Кафка оказался гораздо более убедителен в той области, в которой экспериментировали сюрреалисты: его произведения называют «одним большим сном, потому что реальное и ирреальное переплетены [в них] очень тесно» [11, с. 75].

Известно, что Кафка проявлял большой интерес к записи снов и делал это столь подробно, что у исследователей возникает ощущение

«добавленности» деталей, как если бы автор сам пытался их интерпретировать. При этом он раздраженно реагировал на всякие попытки локализовать пространство в «Приговоре». После публичной читки «Приговора» Кафка записал в дневнике: «Сестра сказала: "Это ведь наша квартира". Я удивился, что она не поняла места действия, и сказал: "В таком случае отец должен был бы жить в клозете"» [8, с. 89]. В новелле отсутствуют какие бы то ни было топографические реалии: Прага, Влтава, которую Кафка видел из окна своей квартиры. Сам городской ландшафт напоминает картину сновидения: «Георг Бендеман, молодой коммерсант, сидел у себя в кабинете на первом этаже невысокого домика, на берегу реки, вдоль которой вытянулся *целый ряд домиков того же типа, отличающихся один от другого, пожалуй, только окраской и высотой*» (курсив мой. – Н. С.) [9, с. 333]. Умножение одного и того же образа – похожих домиков – заставляет вспомнить замечание Фрейда о способности сновидения «вызывать перед взглядом спящего множество аналогичных или вполне совпадающих между собою объектов <...> бесчисленных птиц, бабочек, рыб и т. п.» [14, с. 32]. Также и неопределенность образа друга можно объяснить тем, что «интерес к другому лицу в сновидении всегда иллюзорен» [14, с. 205].

Собственно фрейдистскому истолкованию в новелле поддается только один эпизод. Принимая во внимание замечание Фрейда о многократном «переворачивании» всего содержания сновидения в целом» [14, с. 269], падение Георга Бендемана с моста в реку можно прочесть, превратив его в противоположность: «то есть вместо броситься в воду – выйти из воды, иначе говоря, родиться» [14, с. 218]. Само же плавание в воде вызывает у создателя психоанализа мысли о пребывании в утробе матери и об акте рождения [14, с. 217]. Макс Брод приводит комментарий Кафки, высказанный в разговоре: «Знаешь, что значит заключительная фраза? Я подумал тогда о сильной эякуляции» [6, с. 148]. Последнее предложение текста: «В это время на мосту было оживленное движение», – в оригинале заканчивается словом *Verkehr*: «In diesem Augenblick ging über die Brücke ein geradezu unendlicher Verkehr [17, 77]. Verkehr – «движение, в том числе уличное, или сношение. Geschlechtsverkehr – половое сношение») [6, 148]. Грубый эротический подтекст заставляет вспомнить замечание Фрейда о том, что девяносто процентов сновидений взрослого человека – это зашифрованные сексуальные символы. С позиций Эдипова комплекса может быть истолковано и обвинение отца сыну: «<...> и чтобы ничто не мешало тебе удовлетворить свою похоть, ты осквернил память матери, предал друга и сунул в постель отца...» [9, с. 338].

Макс Брод увидел в «Приговоре» «историю, на первый взгляд, психоаналитически ясную, но уже на второй или третий взгляд снова затуманивающуюся» [6, с. 147–148].

Тот же текст может быть подвергнут нарратологическому анализу. Отмечая актуальность в литературе XX века «матрицы инициации», В. И. Тюпа сделал предположение о реализации в повествовательном тексте нового времени протосюжетной схемы, которая соответствует четырем фазам обряда инициации: фаза обособления, фаза партнерства, лиминальная (пороговая) фаза испытания смертью, фаза преобразования [13, с. 32–33].

В «Приговоре» сюжет инициации связан во всех четырех фазах с двумя персонажами. Загадкой новеллы представляется то, что центральное место в ней отведено другу: фантомная фигура не должна быть центром нарратива. Отрицая в «Приговоре» «какой-то прямой, связный смысл, чтобы можно было пересказать» [10, с. 276], Кафка особенно останавливается на роли друга: «В истории этой полно абстракций, которые не раскрываются. Друг – вряд ли реальное лицо, скорее, возможно, это нечто общее, что присуще отцу и Георгу. Возможно, вся история – это некий обход вокруг отца и сына, а перемены в образе друга, быть может, в преломленной перспективе отражают перемены в отношениях между сыном и отцом. Но и в этом я не уверен» [10, с. 277].

На наш взгляд, «абстракция» в этом случае допускает следующее истолкование. Бендеман переносит свое отношение к отцу на отношение к другу: осознание невольной вины перед другом эксплицирует недостаточность сыновнего внимания к отцу. Не случайно вторая фаза – установление партнерских отношений с другом и отцом – реализуется в новелле параллельно. Георг пишет письмо другу за границу с приглашением приехать на свадьбу и одновременно принимает решение окружить отца заботой в новом доме, где он будет жить с невестой. Отец, в свою очередь, переносит отношение Георга к нему на его отношение к другу: Георг «предал друга» [9, с. 338] – и это одно из обвинений в приговоре отца.

Отец Бендемана говорит о том, что он хотел бы иметь такого сына, как друг: «Такой сын, как он, был бы мне по сердцу» [9, с. 334]. В данном случае имеет место инверсия биографического эпизода: Кафка, разбудив спавшего на диване отца Макса Брода, сказал ему: «Пожалуйста, считайте меня просто сыном» [11, с. 36].

В мифологическом мышлении всякое заметное сходство является непосредственным выражением идентичности существа. На том же основании можно говорить о двойничестве в литературе. Георг и его друг – сверстники, коммерсанты. Друг, как и Бендеман, холост: у друга в России «не установилось близких отношений с тамошней колонией его земляков, но и в русские семьи он был не очень-то вхож и, таким образом, обрек себя на холостяцкую жизнь» [9, с. 334]. Последнее обстоятельство соотносится с помолвкой Бендемана и его несостоявшейся женитьбой.

Стадия обособления у Бендемана представлена уходом «в себя»: сидя за столом в своем кабинете, герой рассеянно смотрит в окно, думая о друге. Жизненной позицией, предполагающей «разрыв или существенное ослабление прежних жизненных связей» [13, с. 33], оказываются отношения Бендемана с другом и отцом. Отец брошен сыном, переписка с другом приняла со временем формальный характер. Партнерство с отцом оказывается «ложным партнерством» [13, с. 33], как и партнерство с другом. Георг пытается убедить себя в том, что возвращение друга на родину и даже помощь друзей, на которую он может здесь рассчитывать, только усугубят его одиночество. Бендеман подозревает, что друг не хочет поддерживать с ним связь, и сам не уверен в необходимости сближения («если вообще продолжать с ним переписку») [9, с. 334].

Фазе испытания смертью в новелле соответствуют «смертельный риск» у друга (революция в России) и «утрата близкого существа» у Георга (смерть

матери). Фаза преобразования в биографии друга отсутствует. У его двойника Бендемана, который после смерти матери «энергично взялся за дело» [9, с. 334], вследствие чего фирма «процвела», имеет место перемена «внешнего (социального)» [13, с. 33] статуса героя. Теперь для того чтобы стать полноценным членом общества, ему необходимо только жениться и тем самым обрести новый психологический статус, но ему не удастся пройти обряд инициации до конца.

Таким образом, использование разных методологий позволяет прийти к сопоставимым выводам.

Рассмотренная с позиций биографического метода, новелла подтверждает, что Бендемана, как и автора, погубила невеста. Напомним, что первые серьезные признаки туберкулеза проявились у Кафки накануне предполагаемой женитьбы на Фелиции Бауер, его болезнь носила психосоматический характер. Психоаналитическое прочтение заставляет предположить наличие Эдипова комплекса у героя: взрослый сын желает смерти отцу, и за этим, по Фрейд, стоит намерение жениться на матери.

Нарратологический анализ зафиксировал неполное воплощение схемы инициации. Георгу, как и самому Кафке, не удастся пройти обряд инициации до конца, финалом истории оказывается фаза испытания смертью. Взрослому сыну не удастся обрести независимость от родителей, единственный путь свободы для него – это «уход в смерть».

Список литературы

1. Архипов, Ю. Предисловие [Текст] / Ю. Архипов // Кафка Ф. Дневники и письма. – М. : ДИ-ДИК – ТАНАИС ; Прогресс-литера, 1994. – С. 5–22.
2. Басс, И. Женщины в жизни Франца Кафки [Текст] / И. Басс. – М. : Алетейя, 2009. – 184 с.
3. Батай, Ж. Литература и зло [Текст] / Ж. Батай. – М. : Изд-во моск. ун-та, 1994. – 166 с.
4. Бахтин, М. М. Собрание сочинений [Текст] : в 7 т. / М. М. Бахтин. – М. : Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. – Т. 6 : Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970 гг. – 799 с.
5. Беньямин, В. Франц Кафка [Текст] / В. Беньямин. – М. : AD MARGINEM, 2000. – 320 с.
6. Брод, М. О Франце Кафке [Текст] / М. Брод. – СПб. : Академический проект, 2000. – 505 с.
7. Данин, Ю. Нильс Бор [Текст] / Ю. Данин. – М. : Молодая гвардия, 1978. – 300 с.
8. Кафка, Ф. Дневники и письма [Текст] / Ф. Кафка. – М. : ДИ-ДИК – ТАНАИС ; Прогресс-литера, 1994. – 608 с.
9. Кафка, Ф. Избранное [Текст] / Ф. Кафка. – М. : Радуга, 1989. – 576 с.
10. Кафка, Ф. Из писем Фелиции Бауэр. 1912–1913 [Текст] / Ф. Кафка // Иностранная литература. – 2003. – № 3. – С. 212–279.
11. Контихош, Ф. М. Франц Кафка [Текст] / Ф. М. Контихош. – М. : Хранитель, 2006. – 158 с.
12. Оден, У. Х. Чтение. Письмо. Эссе о литературе / У. Х. Оден. – М. : Независимая газета, 1998. – 320 с.
13. Тюпа, В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова) [Текст] / В. И. Тюпа. – Тверь : ТвГУ, 2001. – 58 с.

14. Фрейд, З. Толкование сновидений [Текст] / З. Фрейд. – Обнинск : Титул, 1992. – 447 с.
15. Чернов, И. А. Из лекций по теоретическому литературоведению. Ч. 1 [Текст] / И. А. Чернов. – Тарту : ТГУ, 1976. – 186 с.
16. 100 писателей XX века [Текст]. – Челябинск, Урал LTD, 1999. – 210 с.
17. Kafka, F. Erzählungen [Текст] / F. Kafka. – Leipzig : Phlipp Reclam jun, 1983. – 296 s.

INITIATION ARCHAEOPLOT IN KAFKA'S NOVEL "CONDEMNATION"

N. V. Semenova

Tver State University
The department of theory of literature

The article dedicates initiation archaeoplot in Kafka's novel "Condemnation". Here has proved that the identical results, which was received with different languages of description may be a criteria of interpretation reliability.

Key words: *Franz Kafka, psychoanalysis, the story of initiation, the principle of subsidiarity, a meta-language*

Об авторе:

СЕМЕНОВА Нина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: ninasemenova@yandex.ru